

*С.В. Кондратьев
Т.Н. Кондратьева
Тюменский государственный
университет*

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТЕРМИНА «АБСОЛЮТИЗМ»
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(О КНИГЕ Л.В. ЛАНДИНОЙ)**

Авторы статьи анализируют книгу Л.В. Ландиной «Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.». Монография охватывает российские исследования, посвященные западноевропейскому абсолютизму и российскому самодержавию за последние 150 лет, показывая то, как менялась и эволюционировала проблематика темы, исследовательский инструментарий ученых, семантика используемых понятий. В книге также показана сохранявшаяся на протяжении всего существования российской историографии тематическая, сюжетная и даже оценочная преемственность, несмотря на спускаемые властью сверху установки и демонстративный разрыв советской науки с дореволюционными традициями. В работах представителей и старой «русской школы», и советской школы историков присутствовала идея общих закономерностей развития и единого магистрального пути. Те и другие считали, что у абсолютизма есть «прогрессивная фаза», когда он способствует развитию, и «реакционная», когда он развитию препятствует. Общим для «русской школы» и для советских историков было выделение французской модели абсолютизма как классической или «законченной». Нормативная концепция абсолютизма или абсолютной монархии как переходном дворянском, феодальном государстве с неограниченными, благодаря образовавшемуся равновесию между классами буржуазии и дворянства, властью, согласно автору монографии, сложилась в 1930-х гг. Концепция «равновесия» дожила до 1980-х гг., несмотря на все усилия ее поколебать. Однако нормативность не исключала интерпретационной вариативности в определенных границах. Наметившаяся в советской науке исследовательская полифония стала привычной в современной России. Л.В. Ландина констатирует отказ от нормативности, отсутствие универсальной концепции «абсолютизма», безграничное расширение тематического исследовательского поля и призывает построить «концепт абсолютизма» на базе «поливариантной методологии».

Ключевые слова: российская историография, абсолютизм, абсолютная монархия, самодержавие

Цитирование: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Приключения термина «абсолютизм» в российской историографии (о книге Л.В. Ландиной). DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-379-391 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 379-391.

Поступила в редакцию: 24.02.2021

Принята к печати: 22.04.2021

*Sergey V. Kondratiev,
Tamara N. Kondratieva
Tyumen State University*

**ADVENTURES OF THE TERM "ABSOLUTISM"
IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
(ON THE BOOK BY L.V. LANDINA)**

The article analyses the book by L.V. Landina *Absolutism and Absolute monarchy in the Russian historiography of the last third of the XIX-beginning of the XXI century*. The monograph covers Russian studies on Western European absolutism and Russian autocracy over the past 150 years. It was important to describe how the problematic of the topic, the research tools of historians, the semantics of the concepts had been changing and evolving and to show at the same time the thematic, plot and even evaluative continuity, despite the prescriptions descending from power and a demonstrative break with pre-revolutionary preferences. There was an idea of general laws of development and a single main road in the works of the old "Russian school" and Soviet historians. Both schools believed that absolutism has a progressive phase, when it promotes development, and reactionary, when it prevents it. Common to the "Russian school" and Soviet historians was the identification of the French model of absolutism as classical or complete. It follows from the book that the normative concept of absolutism, or absolute monarchy, as a transitional noble, feudal state with unlimited, due to the formed balance between the classes of the bourgeoisie and the nobility, power, was formed in the 1930s. The concept of "balance" survived until the 1980s, reflecting the efforts of various actors to shake it. But normativity did not exclude interpretative variability within certain limits. The research polyphony that

has emerged in Soviet science has become a common phenomenon in modern Russia. Landina states the rejection of normativity, the absence of a universal concept of "absolutism", the limitless expansion of the thematic research field and calls for building a "concept of absolutism" on the basis of a "multivariate methodology".

Keywords: Russian historiography, absolutism, absolute monarchy, autocracy

Citation: Kondratiev S.V. Kondratieva T.N., (2021). Priklucheniia termina "absoliutizm" v rossiĭskoi istoriografii (o knige L.V. Landinoi) [Adventures of the term "absolutism" in Russian historiography (on the book by L.V. Landina)] DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-379-391. *Annual of French Studies* 2021, vol. 54, p. 379-391.

Беря в руки 816-страничный труд¹ белорусского историографа Л.В. Ландиной и принимаясь за его чтение, мы невольно вспомнили эпизод из любимой в детстве книги Александра Дюма о той же эпохе, которую изучали и герои исследования Л.В. Ландиной. Среди прочего там можно прочесть: «Я сделал бы из нее (темы – С.К., Т.К.) два таких тома, как этот, – добавил иезуит. И в порыве вдохновения он хлопнул ладонью по фолианту святого Иоанна Златоуста, под тяжестью которого прогибался стол. Д'Артаньян содрогнулся». Но, вздохнув, как священник (другой герой этого романа), шедший по следу иезуита, мы отправились за автором, которая, как подчеркнуто в монографии, является «ученым, живущим в конкретной социальной реальности и работающим для окружающего его общества» (С. 11) и которая сама проделала долгий путь по стопам персонажей своего исследования.

Задача монографии, обозначенная автором во введении и заключении книги, – построить «концепт абсолютизма» на базе «поливариантной методологии» – уже ставилась в свое время нашими зарубежными коллегами, пытавшимися «разработать новую (модель – С.К., Т.К.) на основе новейших дефиниций абсолютной монархии»², однако для русскоязычной историографии она бесспорно нова.

Чтобы читатель не заблудился в этом путешествии во времени, охватывающем полтора с лишним столетия, каждая глава кни-

¹ Ландина Л.В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. Минск: Энциклопедикс, 2020. 816 с. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках.

² См.: Wilson P. Absolutism in Central Europe. L., 2000. P. 15.

ги предваряется характеристикой политической и социальной реальности описываемого периода. Автор последовательно придерживается этого методологического приема на протяжении почти всего своего обширного нарратива, описывая политические и социальные тектонические сдвиги, повлиявшие на проблематику исследований и язык российских историков.

Л.В. Ландина выделяет четыре периода в изучении российскими историками феномена абсолютизма. Первый охватывает последнюю треть XIX в. и начало XX в. до 1917 г. Тогда «русская школа» исследований по всеобщей истории активно заимствовала из Европы трактовку абсолютизма, развивая ее на свой лад. Государственная же школа изучения истории России предпочитала для характеристики российских реалий использовать термин «самодержавие». Второй период, продолжавшийся с 1917 г. до конца 1930-х гг., был временем выработки «марксистского историографического канона», который трактовал абсолютизм в рамках «формационной схемы». Третий период – с 1940-х по 1980-е гг. – отмечен монополией марксистской методологии и преобладанием концепции «равновесия» в трактовке социальной основы абсолютизма: согласно ей, дворянство и буржуазия уравнивали друг друга, что обеспечивало государству определенную степень независимости в своих действиях. Четвертый период, начавшийся в 1991 г. и продолжающийся до сих пор, характеризуется методологическим плюрализмом, релятивизмом и «расширением ракурсов осмысления абсолютизма», о чем также можно прочитать во введении и заключении книги (С. 15–16, 38, 722).

Однако глав в монографии семь. Первая посвящена историографии вопроса, вторая – дореволюционным исследованиям об абсолютизме. Хронологические же рамки последующих глав почему-то не совпадают с границами оставшихся трех периодов. Третья глава посвящена 1920-м гг., четвертая – 1930-м – 1950-м гг., пятая – 1960-м – 1980-м гг., шестая – периоду Перестройки, седьмая – постсоветской историографии. В каждой из них автор последовательно анализирует работы о западноевропейском абсолютизме, о российском самодержавии, воспроизводит нормативные трактовки из учебной литературы и останавливается на имевших место дискуссиях и полемике.

Итак, что же такое абсолютизм? Это то, что «всегда создавалось, но никогда не создалось», – мягко иронизировал Дэвид Паркер³. По

³ Parker D. Making of French absolutism. L., 1983. P. XVI.

мнению же Чезаре Куттика и Гленна Берджисса, «абсолютизм – это слово, с которым не оберешься хлопот» (*absolutism is a troublesome word*)⁴. И действительно, судя по рассыпанным в книге Л.В. Ландиной терминам «концепт», «понятие», «осмысление», «маркер», «дискурс» и т. п., абсолютизм – это прежде всего слово, имя, знак – то есть «означающее», по Фердинанду де Соссюру. Наполнение же этого означающего менялось на протяжении всех выделенных автором этапов. У разных поколений имя «абсолютизм», перефразируя Джона Стюарта Милля и популяризовавшего его Н.Е. Копцова⁵, *денотировало* более или менее одинаковый класс объектов – время, монархию, государственные институты, но *коннотировало* зачастую не совпадавшие атрибуты. Например, о бюрократии писали все историки, а вот о классах или сословиях – отнюдь.

Большинство авторов историографических нарративов придерживается распространенного сценария – охарактеризовать, а зачастую просто пересказать, работы историков с теми или иными характеристиками и приговорами. В итоге читатель получает в руки расширенную библиографию по теме, как, например, в большинстве трудов представителей томской школы Б.Г. Могильницкого или уральской школы А.О. Васьковского. Совсем другую историографию – с антропологическими характеристиками ученых и инсайдерской информацией – читатель приобретает, когда исследование выходит из-под пера практикующего историка, занятого в конкретной области исторических исследований и участника дискуссий минувших дней⁶. И есть третий сценарий – обратиться, не будучи историком темы, к архивным материалам и взглянуть на предмет через судьбы самих историков, которые интересно проблему поднимали и по-разному поворачивали. Л.В. Ландина выбрала третий сценарий, отойдя от него лишь в последней главе. Она не только добросовестно прочитала почти все, что было написано об абсолютизме, абсолютистском государстве и самодержавии в российской историографии за 150 лет, но и тщательно обследовала архивы Москвы и Санкт-Петербурга, введя в оборот массу новых материалов.

⁴ *Cuttica C., Burgess G.* Introduction: Monarchism and Absolutism in Early Modern Europe // *Monarchism and Absolutism in early modern Europe* / Ed. by C. Cuttica and G. Burgess. L., 2012. P. 1.

⁵ См.: *Копцов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 90.

⁶ См., например: *Hutton R.* *Debates in Stuart History*. Basingstoke, N.Y., 2004; *Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015; *Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. М., 2017.

Посвятив книгу анализу российской историографии за 150 лет, автор, тем не менее, заходит на тему издавека – с XI в., полагая, что именно тогда появилось понятие «абсолютизм». Однако в приведенной ею латинской формуле «*potentia Dei absoluta*»⁷ (С. 19) слово *absoluta* является прилагательным, а не существительным. Столь же спорно обнаружение ею концепта «абсолютизм» в раннем Новом времени, поскольку никто из европейцев политический порядок в собственной стране так не именовал. Соответственно то, чего не было в Европе, не могло из нее «проникнуть», как утверждается в монографии, и в Россию Петра I (С. 7, 24, 723).

До 1770-х гг., по мнению Вольфганга Шмале, термина «абсолютизм» не существовало ни во французском, ни в немецком, ни в английском языках, но для характеристики королевской власти и монархии использовали прилагательное «абсолютная» (“*pouvoir absolu*”, “*monarchia absoluta*”, “*absolute monarchy*”), причем эти словосочетания – «абсолютная власть», «абсолютная монархия» – не несли каких-либо отрицательных коннотаций.

Для того времени прилагательное «абсолютный», пишет Джеймс Дейли, означало применительно к власти монарха «решительный», «правильный», «непримиримый», «четкий», «безупречный», «совершенный», «безусловный» (“*resolved*”, “*positive*”, “*uncompromising*”, “*precise*”, “*faultless*”, “*perfect*”, “*unconditional*”)⁸.

Недавно внесенные уточнения Чезаре Куттика, который работал не только с английским, но и французским и немецким материалом, добавили немногое. «Абсолютный» означало, что правитель «обладает всей полнотой власти», находится над всеми и ни перед кем не несет ответственности (“*ab-soluteness*”), (*absolved and above*); ни внутри страны, ни вне ее не от кого не зависит (“*independenc*” (*internal and external*)); что он единственный (“*solitude*”), «неограниченный во времени» (“*perpetuity*”); «исключительный», по своим несравненным качествам, неповторимости и действенности (“*exclusive inequality*” of the sovereign compared to the equality of the rest of the subjects); *individuality*; *effectiveness*)⁹. Одним словом, «абсолютный» значило «превосходный», «совершенный», «безупречный», «самый лучший».

⁷ Абсолютная власть или абсолютное могущество Бога (лат.)

⁸ *Daly J. Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth Century England // Historical Journal. 1978. Vol. 21. № 2. P. 230-231.*

⁹ *Cuttica C. Thing or Two About Absolutism and Its Historiography // History of European Ideas. 2013. Vol. 39. No. 2. P. 297.*

Имя «абсолютизм» было порождено Французской революцией и появилось в политическом языке Франции в начале XIX в. Английские либералы его стали использовать с 1830-х гг.¹⁰ В Германии его в 1847 г. ввел в оборот экономист и историк Вильгельм Рошер. Он же первым попытался абсолютизм типологизировать и установить его периодизацию, выделив конфессиональный испанский абсолютизм Филиппа II, придворный французский абсолютизм Людовика XIV и просвещенный абсолютизм XVIII в.¹¹ В том же XIX в. под воздействием дискурса Французской революции «абсолютизм» стал синонимом деспотизма и произвола¹². Термин «Старый порядок», добавим мы, который также часто появляется на страницах книги Л.В. Ландиной, в XIX в. тоже имел негативный смысл, совпадая в этом отношении со словом «абсолютизм».

В первой и второй главах монографии, которые посвящены предреволюционным работам, Л.В. Ландина показывает, что российские историки заимствовали термин «абсолютизм» в Западной Европе, а впервые он появился у русского медиевиста С.В. Ешевского (1858/1859 гг.) (С. 37). К сожалению, автор не сообщает, было ли это заимствовано у французов, немцев или англичан. А быть может, термин «абсолютизм» тогда уже стал настолько общим местом в Европе, что к концу 1850-х гг. прижился и в России? Воспроизводя соответствующую цитату из лекции Ешевского (С. 37), автор никак не комментирует то, что его характеристика абсолютизма, как «переходного состояния» от одной формы государственности к другой, почти дословно совпадает с судьбоносной для советской интерпретации 1930-х – 1970-х гг. цитатой из Маркса, которая воспроизводится в другом месте монографии: «Современная историография доказала, что абсолютная монархия возникает в переходные периоды» (С. 215). Интересно, не черпал ли Ешевский вдохновение из того же источника?

Российские историки конца XIX – начала XX в. видели в истории восходящую линию, на оси которой следовало расположить период между Средними веками и Новым временем, описав его основные атрибуты. Кто-то ограничивался характеристикой государственности и называл монархию того времени «абсолютной» и/или

¹⁰ Schmale W. Future of “Absolutism” in Historiography: Recent Tendencies // Journal of Early Modern History. 1998. № 2. P. 194–195.

¹¹ Wilson P. Op. cit. P. 14.

¹² Burns J.H. Idea of absolutism // Absolutism in Seventeenth Century Europe / Ed. by John Miller. L., 1990. P. 21; Wilson P. Op. cit. P. 11.

«самодержавной», кто-то затрагивал взаимоотношения социума и власти, именуя эту систему «абсолютизмом», «старым порядком», «самодержавием». На начальном этапе, при укреплении монархической королевской власти и отрицании феодализма, абсолютизм виделся прогрессивным, на позднем этапе, при сдерживании демократии, расширения соучастия общества в управлении или капитализма, – реакционным. Российская монархия в сравнении с государствами Западной Европы, у которых во второй половине XIX в. уже имелись писанные конституции, представительные органы и ответственные правительства, часто казалась анахронизмом, что подогревало интерес к европейской проблематике и способствовало возникновению широко известной в Европе «русской школы».

В работах историков «русской школы» так или иначе присутствовала идея общих для всего человечества закономерностей развития и единого магистрального пути. И это, подчеркивает Л.В. Ландина, сближает «русскую школу» с советской. Та и другая считали, что у абсолютизма есть прогрессивная фаза, когда он способствует развитию, и реакционная, когда он ему препятствует. Общим для «русской школы» и советских историков было выделение французской модели абсолютизма как классической или, говоря языком советской историографии, «законченной». Центральное место автор отводит здесь работам П.Н. Ардашева, которые во многом опережали время, поскольку в них впервые были подняты те научные проблемы, которые станут актуальными в самой Франции лишь десятилетия спустя (С. 112–117). Хотя, конечно, «русская школа» выгодно отличалась от советской разнообразием тематики, глубиной проработки проблем, объемами изученных источников, уровнем образования историков, их эрудицией и интерпретационным инструментарием, базовые интенции у обеих школ были близки – раскрытие закономерностей, вера в прогресс, развитие и единый путь человечества.

Особый (в монографии – «своеобразный») путь России к той же цели был обусловлен, как писали историки России от Карамзина до Платонова, суровыми природными условиями, огромными пространствами и многочисленными внешними угрозами, что предопределило самодержавную, самовластную, форму правления, крепостничество, слабость или даже видимость сословного представительства. Сама география обусловила своеобразие России, запрограммировав для нее сценарий: сначала сильная власть,

а затем уже развитие. Вспомним, как Пушкин писал Чаадаеву, что правительство в России – первый европеец. Петровские реформы еще больше усилили зависимость общества от стоявшего над ним государства.

В Советской России, отмечает Л.В. Ландина, работа историков была затруднена объективными условиями – революция, гражданская война, хаос, неразбериха, чехарда с академическими и учебными учреждениями. Советская власть, нуждавшаяся в марксистских кадрах, не могла сразу отказаться от сотрудничества с дореволюционными историками и в одно мгновение сформировать идеальный тип историка новой генерации. Да и многие выпускники Коммунистической академии и Института Красной профессуры, как известно, потом были репрессированы, и таковых оказалось куда больше, чем дореволюционных профессионалов.

В 1920-е – начале 1930-х гг. создавались преимущественно общие социологические работы. Они должны были предельно обобщенно отобразить процесс истории, но не саму историю. Поэтому из работ 1920-х гг. исчезли люди и события, но зато там прочно поселились такие абстрактные категории, как «торговый капитализм», «классовая борьба», «рабство», «феодализм», «крестьянство», «абсолютизм». Отчасти резервацией для представителей старой школы оставался РАНИОН, но и там абсолютизм никого, кроме умершего в 1923 г. А.Н. Савина, не интересовал¹³. Поэтому термин «абсолютизм» и означаемое им историческое содержание были монополизированы марксистской молодежью и быстро приспособившимися к новым условиям учеными, получившими образование еще до революции. Кого-то «перестраиваться» вынуждали житейские обстоятельства, кто-то учился на чужих печальных примерах, а кто-то на собственных. Внутренне эмигрировать, как это сделал Константин Алексеевич Кузнецов, перешедший от изучения истории Англии XVI – XVII вв. к изучению истории музыки¹⁴, смогли лишь единицы. Работавший вместе с К.А. Кузнецовым в Московской консерватории Н.Н. Радциг, косвенно имевший отношение к теме абсолютизма, например, не смог. К сожалению, оба эти имени отсутствуют в книге Л.В. Ландиной.

¹³ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Западноевропейское Средневековье в Институте истории РАНИОН (по материалам ГАРФ) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2007. Вып. 7. С. 67–83.

¹⁴ Березкин А.В. Историк государства и права Англии К.А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб, 2005. Вып. 5. С. 147–156.

Доминировавшая в 1920-х гг. теория «торгового капитализма» А.А. Богданова и М.Н. Покровского легко вобрала в себя понятие «абсолютизма». Но она не стала нормативной, хотя требования иметь таковую уже стояли в повестке дня. Учение о пяти формациях («пятичленка») начиналось еще в 1920-х гг. Упомянутая Л.В. Ландиной дискуссия о книге молодого и позднее оказавшегося в заключении С.М. Дубровского, пришлось примерно на середину процесса становления «пятичленки». Еще до нее было написано немало социологических книжек про «общественные формы», где абсолютизм тоже присутствовал¹⁵. Сама же «пятичленка», о чем совершенно справедливо в разных местах говорит автор, лишала самобытности и неповторимости российскую историю, которая стала теперь лишь одной из иллюстраций универсального процесса.

В 1930-е гг. «пятичленка» наконец-то укоренилась, а внутри нее – представление об абсолютизме, как «переходном дворянском, феодальном государстве» с неограниченной, благодаря образовавшемуся равновесию между классами буржуазии и дворянства, властью. Такое положение, как показывает Л.В. Ландина, сформулировал С.Д. Сказкин, опираясь на упомянутую выше фразу Маркса. Впрочем, это не исключало несколько отличных, но столь же марксистских трактовок Б.Ф. Поршнева, В.В. Бирюковича и А.Д. Люблинской (С. 325).

Концепция «равновесия» доживет до 1980-х гг., несмотря на все усилия ее поколебать. В годы войны такую попытку для истории России предпринял Б.И. Сыромятников, отождествлявший самодержавие с абсолютизмом и считавший российский абсолютизм дуалистическим, то есть дворянским и буржуазным одновременно (С. 334 337, 389). Сразу после войны это сделал Б.Ф. Поршнев, выдвинувший концепцию Фронды как неудавшейся буржуазной революции и концепцию «классовой борьбы» как главного демиурга изменений государственности и всего исторического процесса в целом (С. 362 364, 373 383).

Процесс развития науки, увеличение числа исследователей и известные послабления, именуемые «оттепелью», породили новые темы, фрагментацию исследовательского поля и стремление видоизменять концепт. Инициативы в основном исходили от специалистов по отечественной истории Л.В. Черепнина, А.Я. Авреха,

---

¹⁵ См., например, выдержавшую несколько изданий книгу: Кушнер (Кнышев) П.И. Очерк развития общественных форм. М., 1924.

Н.И. Павленко, Н.П. Ерошкина, С.О. Шмидта, П.А. Зайончковского, А.Н. Медушевского и др.

Пока историки России спорили о том, чем является российской абсолютизм, и убеждались в неисчерпаемости предмета подобных дискуссий (С. 473–512), Б.Ф. Поршневу и профессор Сорбонны Ролан Мунье, исследователь французской бюрократии и государственности, ожесточенно полемизировали друг с другом о сути абсолютизма во Франции. Страницы, посвященные дебатам Поршневу и Мунье, представляются нам одними из лучших в монографии Л.В. Ландиной (С. 436–456).

Существующая сегодня полифония в российском историописании стала обыденным явлением после Перестройки и в этом, справедливо отмечает Л.В. Ландина, российская историография похожа на мировую. Однако данное обстоятельство чрезвычайно затруднило работу автора, ибо последние главы книги, в отличие от предшествующих, писались, на наш взгляд, по первому, из трех оговоренных нами в начале сценариев, из-за чего стали похожи на развернутую библиографию. Здесь, кстати, автор изменяет себе, и на первый план выдвигает характеристику учебной литературы, отодвигая в тень научную. Думается, автору следовало бы просто остановиться на ведущих фигурах – скажем, Н.В. Малове, Н.Е. Копосове, А.В. Чудинове, В.В. Шишкине, О.В. Дмитриевой и окружающей их периферии. В этой расширенной библиографии, без сомнения, не достает учебного пособия Н.Е. Копосова¹⁶, которое В.Н. Малов назвал «очень квалифицированным»¹⁷, и его же монографии «Как думают историки»¹⁸. Значительная часть последней посвящена именно семантике социальной категории абсолютизма, то есть как раз тому, что в книге Л.В. Ландиной носит имя «осмысление». Было бы неплохо сказать и о том, как годичная стажировка этого петербургского историка у Ролана Мунье накануне Перестройки сказалась затем на его исследовании французской бюрократии Старого порядка. К сожалению, в работе Л.В. Ландиной лишь констатированы, но не освещены активные научные связи в последние десятилетия по линии Россия – Западная Европа, которые дали мощный импульс радикальным перемене-

¹⁶ Копосов Н.Е. Абсолютная монархия во Франции XVI–XVIII вв.: (Государственный строй). Ч. 1–2. Л., 1984.

¹⁷ Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 212.

¹⁸ Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.

нам в «проблемном поле абсолютизма» и способствовали возникновению «новой русской школы» в историографии.

Конечно, при желании можно было бы найти, за что еще попенять автору, например, за многочисленные повторы и несовершенную композицию книги, но стоит ли? Всё же у работы Л.В. Ландиной гораздо больше несомненных достоинств, главным из которых является – позаимствуем эту фразу у П.Ю. Уварова – коллективный портрет корпорации на фоне полутора столетий.

REFERENCES

- Burns J.H.* Idea of absolutism // *Absolutism in Seventeenth Century Europe* / Ed. by John Miller. London, 1990. P. 21-42.
- Cuttica C., Burgess G.* Introduction: Monarchism and Absolutism in Early Modern Europe // *Monarchism and Absolutism in early modern Europe* / Ed. By C. Cuttica and G. Burgess. London, 2012. P. 1-17.
- Cuttica C.* Thing or Two About Absolutism and Its Historiography // *History of European Ideas*. 2013. Vol. 39. № 2. P. 287-300.
- Daly J.* Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England // *Historical Journal*. 1978. Vol. 21. № 2. P. 227-250.
- Hutton R.* *Debates in Stuart History*. Basingstoke, New York, 2004.
- Schmale W.* Future of “Absolutism” in Historiography: Recent Tendencies // *Journal of Early Modern History*. 1998. № 2. P. 192-202.
- Wilson P.* *Absolutism in Central Europe*. London, 2000.
- Parker D.* *Making of French absolutism*. London, 1983.
- Березкин А.В.* Историк государства и права Англии К.А. Кузнецов // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*. СПб, 2005. Вып. 5. С. 147-156 [Berezkin A.V. Istorik gosudarstva i prava Anglii K.A. Kuznezov // *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego Novogo vremeni*. St. Petersburg, 2005. Iss. 5. S. 147-156].
- Копосов Н.Е.* Абсолютная монархия во Франции XVI–XVIII вв. (Государственный строй). Ч. 1-2. Л., 1984 [Koposov N.E. Absolyutnaya monarhiya vo Francii XVI–XVIII vv. (Gosudarstvennyj stroj). CH. 1-2. Leningrad, 1984].
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Западноевропейское Средневековье в Институте истории РАН ИОН (по материалам ГАРФ) // *Европа. Международный альманах*. Тюмень, 2007. Вып. 7. С. 67-83

- [Kondratiev S.V., Kondratieva T.N. Zapadnoevropejskoe Srednevekovie v Institute istorii RANION (po materialam GARF) // Evropa. Mezhdunarodnyj al'manah. Tyumen, 2007. Выр. 7. S. 67-83].
- Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001 [Koposov N. E. Как dumayut istoriki. Moskva, 2001].
- Кушнер (Кнышев) П.И. Очерк развития общественных форм. М., 1924. [Kushner (Knyshv) P. I. Ocherk razvitiya obshchestvennyh form. Moskva, 1924].
- Ландина Л.В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. Минск, 2020. [Landina L.V. Absolyutizm i absolyutnaya monarhiya v rossijskoj istoriografii poslednej treti XIX – nachala XXI v. Minsk, 2020].
- Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. [Malov V.N. Zh.-B. Kolber. Absolyutistskaya byurokratiya i francuzskoe obshchestvo. M., 1991.]
- Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015 [Uvarov P.Iu. Mezhdru «ezhami» i «lisami». Zametki ob istorikakh. M., 2015].
- Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М., 2017 [Tchoudinov A.V. Istoriia Frantsuzskoï revoliutsii: puti poznaniia. M., 2017].

Кондратьев Сергей Витальевич

доктор исторических наук
профессор
Тюменский государственный
университет
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
e-mail: skondratiev@utmn.ru

Kondratiev, Sergey

Dr. Hab. (History), Professor
Tyumen State University
Volodarskogo Street, Tyumen, 625003
e-mail: skondratiev@utmn.ru
Researcher ID N-8632-2016
ORCID: 0000-0002-9861-5032
Scopus ID: 57191985945

Кондратьева Тамара Николаевна

кандидат исторических наук
доцент
Тюменский государственный
университет
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
e-mail: ktamara1960@yandex.ru

Kondratieva, Tamara

PhD (History),
Tyumen State University
Volodarskogo Street, Tyumen, 625003
e-mail: ktamara1960@yandex.ru
Researcher ID E-1266-2017
ORCID: 0000-0001-5358-1046
Scopus ID: 57193155302